

грубой брани и пьянства, нещадно изгоняла из армии девиц легкого поведения, предостерегала от воровства и грабежей, обычных в лагерной жизни.

Капитаны с удивлением смотрели на небывалого полководца в белых доспехах и покачивали головами. Многого повидали они на своем веку, но такого еще никому не доводилось...

Ну и девка! Подумать только, как она смело действует, как уверена в своих словах и поступках! Она бесстрашно идет одна в общество заядлых рубак и сквернословов, ничего не боится и почти всегда добивается своего! Ее слушают! Ее распоряжения выполняют! Даже такой отпетый богохульник и ругатель, как седовласый Ла Гир, воздерживается в ее присутствии от своих словесных вывертов! Находятся, конечно, отдельные бродяги, которых и ей не прошибить. Кое-кто пытается скабресничать, кое-кто насмехается над ее военными «познаниями». Но насмешки не задевают девушку, а зубоскалов она быстро ставит на место.

Ну и девка, ну и главнокомандующий! При ней и де Буссак, и де Гокур, и даже сам герцог Алансонский выглядят начальниками второго сорта. Солдаты, кроме нее, никого не желают признавать. Да, с такой — это можно сказать заранее — хлопот и неприятностей не оберешься!..

Жанна диктует письмо. Это очень трудная работа. Девушка то и дело морщит лоб. Секретарь д'Олон быстро строчит пером по пергаменту. Жанна думает и говорит по нескольку слов, а капеллан, брат Паскерель, поправляет ее обороты и придает мысли нужный оттенок.

Это письмо она отошлет годонам. Уже находясь в Пуатье, Жанна продиктовала краткое воззвание к английским военачальникам. Новое письмо будет подробнее и обстоятельнее. Основная его цель — внушить врагу, что мир лучше войны.

Жан д'Олон пишет и пишет. Строка за строкой ровно ложатся на желтоватый пергамент.